







Корявое  
дерево

РЕЙЧЕЛ БЕРДЖ



МОСКВА  
2020

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44  
Б48

Copyright © Rachel Burge, 2019

Originally published in the English language as *The Twisted Tree* in 2019 by Hot Key Books an imprint of Bonnier Zaffre

Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Zaffre

The moral rights of the author have been asserted.

Illustrations copyright © Rohan Eason, 2019

Перевод с английского *Елены Татищевой*  
Художественное оформление *Елены Окольциной*

**Бердж, Рейчел.**

Б48      Корявое дерево / Рейчел Бердж ; [перевод с английского Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-108666-4

Все это началось в тот день, когда я упала с дерева у бревенчатого домика Мормор. В тот день, когда я ослепла на один глаз.

Я напишу обо всем случившемся на этих страницах, какой бы сумасшедшей это, быть может, ни выставило меня перед теми, кто будет читать мое послание.

Почему мама просто не рассказала мне все как есть? Эта мысль, она словно тугий узел, и как я ни стараюсь его развязать, он только затягивается все туже и туже. Если бы она только рассказала мне правду, ужасные события последних нескольких дней, возможно, никогда бы не произошли.

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-108666-4

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2020  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Эта книга посвящается Одину,  
вдохновителю поэтов, богу мудрости,  
волшебства и самопожертвования.*





МАРТА – 24 ЯНВАРЯ

**В**се это началось в тот день, когда я упала с дерева у бревенчатого домика Мормор. В тот день, когда я олепла на один глаз.

Я напишу обо всем случившемся на этих страницах, какой бы сумасшедшей это, быть может, ни выставило меня перед теми, кто будет читать мое послание. Если когда-нибудь у меня появится дочь, ей придется узнать правду – ПРАВДУ.

Почему мама просто не рассказала мне все как есть? Эта мысль, она словно тугой узел, и как я ни стараюсь его развязать, он только затягивается все туже и туже. Если бы я знала правду, то, быть может, смогла бы что-нибудь сделать и тогда никто бы не погиб.

Если бы она только рассказала мне правду, ужасные события последних нескольких дней, возможно, никогда бы не произошли.



**Я** чувствую, как мой желудок съеживается и превращается в тугой комок, когда поезд въезжает на железнодорожную станцию аэропорта Хитроу. Платформа полна народа. Я стискиваю зубы и, держа рюкзак перед собой, направляюсь сквозь толпу. По мере того как я проталкиваюсь мимо людей, касаясь их, передо мной словно возникают короткие кадры из их жизни — их воспоминания, их чувства, — но это происходит так быстро, что толком я ничего не успеваю разобрать.

Доставая из кармана мобильник, я чувствую, как потные у меня руки. Я смотрю на часы и тут же жалею об этом. Регистрация на мой рейс заканчивается через пятнадцать минут, а я *никак не могу* опоздать на него.

К платформе, находящейся напротив, подходит поезд, и из него высыпает множество людей. Беспokoясь о том, как бы их одежда не коснулась меня, я поворачиваю налево и спешу к эскалатору. Мимо по соседнему эскалатору движется вверх



мужчина, и на секунду меня охватывает ужас — мне кажется, что это папа, — но это оказывается какой-то другой бизнесмен в похожем сером костюме.

В зале вылета мимо меня спешат люди, таща за собой не желающие двигаться с места чемоданы и упирающихся детей. Окружающий шум напоминает мне жужжание роя пчел, каждая из которых хочет меня ужалить. И дело тут не только в гуле голосов, а в том, что воздух искрит и потрескивает — как будто их одежда *знает*, что мимо них иду я.

Прямо на меня ковыляет малышка лет полутора-двух с мокрым от слез личиком, а за ней спешит усталая женщина. Я резко сворачиваю в сторону, но проделываю это недостаточно быстро, и она успевает коснуться рукавом моей руки. Прежде чем родить дочь, эта женщина пережила пять выкидышей. Сейчас она беременна, но ночами часто лежит без сна, потому что боится потерять и этого своего ребенка. У меня начинает ныть грудь — ее чувство утраты так остро, что перехватывает дыхание. Я иду прочь, затем оглядываюсь, чтобы посмотреть на ее красное пальто. За последние несколько месяцев я достаточно часто перебирала вещи в гардеробе мамы, чтобы понять, что это пальто, по меньшей мере, на пятьдесят процентов состоит из кашемира. Шерсть просто сохраняет эмоции человека, кашемир же имеет иные свойства — он заставляет тебя переживать их самой.

Увидев знакомую эмблему «Скэндинэйвиэн эрлайнз», я направляюсь к стойке регистрации, но спотыкаюсь о чей-то чемодан и едва не падаю ничком.

— Эй! Смотрите, куда идете! — кричит на меня рассерженный пассажир.

— Извините. Я не заметила вашего чемодана. Извините, — бормочу я.

— Возможно, вы бы замечали больше, если бы сняли свои темные очки!

Я встаю в хвост очереди, вся красная от стыда. Из-за того, что один глаз у меня слепой, мне трудно разглядеть то, что находится на некотором отдалении. Я теперь плохо определяю расстояния — стоит мне сфокусировать взгляд на чем-то близком, как очертания того, что находится вдалеке, размываются. Дома это мне не мешало, ведь там я знаю, где что находится, но теперь... Если я не могу, не споткнувшись, пройти по залу аэропорта, то как я вообще собираюсь добраться до Норвегии?

Я сжимаю в руке серебряный амулет, который ношу на шее, и приказываю себе собраться. Я много раз летала в Норвегию с мамой, и до того несчастного случая, из-за которого я ослепла на один глаз, передвигаться по Лондону мне также не составляло никакого труда. Мне просто нужно научиться быть более внимательной.

Передо мной в очереди на регистрацию стоят еще две семьи; если они пройдут ее быстро, возможно, я еще успею на свой рейс. Я роюсь в сумочке и достаю отпечатанный на принтере электронный авиабилет и пропуск на паром в Шебну. Раньше мы проводили там каждое лето — и папа тоже, пока он нас не бросил, — но после того несчастного случая мама отказывается даже говорить об острове или о Мормор, моей бабушке.

— Следующий, пожалуйста.

Я подхожу к стойке и кладу на нее свои паспорт и авиабилет.

— Куда вы направляетесь, мисс?

— В Боду. Вернее, на Шебну. Но мне надо будет сделать пересадку в Осло, а затем сесть на паром, отходящий из Боды. Марта Хопкинс. В смысле, так меня зовут. — Я чувствую, как краснею. Потому что выражаю сейчас свои мысли как последняя идиотка.

Когда я кладу рюкзак на весы, женщина за стойкой наклоняется к своей сидящей коллеге и что-то шепчет ей, прежде чем снова повернуться ко мне. Я опускаю взгляд и смотрю на свои ступни, уверенная в том, что она по одному моему виду сумела определить, что я сбежала из дома.

— Не могли бы вы снять темные очки?

Мой голос дрожит так же, как и мои ноги:

— Зачем? Что с ними не так?

— Я должна убедиться, что вы и девушка на фото в вашем паспорте — одно и то же лицо. — Она бросает взгляд за мою спину. — Вы путешествуете одна? Без сопровождения одного из ваших родителей или опекуна?

— Да, одна, но мне уже семнадцать, а на вашем сайте говорится, что...

— На фотографии в этом паспорте изображена девочка намного младше, чем вы сейчас.

Я кусаю ноготь на большом пальце, когда она пододвигает ко мне по стойке мой паспорт, открытый на странице с фотографией, как будто я и так не знаю, как она выглядит. Я смотрю на изображенную на нем бледную девочку с длинными светлыми волосами и быстро отвожу глаза. Я тер-

петь не могу смотреть на фотографии, сделанные до несчастного случая.

— Я всегда была мелковата для своего возраста, — выпаливаю я и тут же чувствую себя дурой.

Она изучающе разглядывает мое фото в паспорте, и я снова сжимаю в руке амулет на своей шее. Большая часть ювелирных украшений, которые я изготовила после того, как ослепла на один глаз, никуда не годились, однако этот кулон получился великолепно. Прикосновение его прохладных краев всегда действует на меня успокаивающе. Я люблю металл, ведь он не говорит мне ничего.

Я делаю глубокий вдох:

— Послушайте, я опаздываю на рейс. Так что не могли бы вы...

— Снимите очки, мисс.

Кто-то в очереди за моей спиной неодобрительно хмыкает. Я сдергиваю с лица темные очки и уставляюсь на женщину за стойкой, вернее сказать, на нее уставляется мой правый глаз. А левый смотрит один бог знает куда. Ее глаза округляются, затем она быстро опускает взгляд на фото в моем паспорте.

— Благодарю вас. Последнее приглашение на посадку на ваш рейс было сделано пять минут назад. Вам надо поторопиться. Выход 33 — вверх по эскалатору и налево.

Я поспешно дрожащей рукой снова надеваю темные очки и отворачиваюсь — но все-таки недостаточно быстро, чтобы не увидеть сочувственной улыбки. Мне не надо касаться одежды, чтобы знать, что она сейчас думает, поскольку ее мысли ясно написаны на лице: бедная девочка, какой

ужас, а ведь, если бы не это, она была бы хорошенькой. Снисходительный взгляд, затем она торпливо переводит глаза на следующего пассажира в очереди, желая поскорее посмотреть на кого-то, кто не выглядит как фрик.

Доехав на эскалаторе наверх, я прохожу через контроль, и мне опять приходится снимать темные очки и кулон. К счастью, остальные пассажиры слишком заняты проверкой своих карманов — не завалилась ли там мелочь, которую надо будет выгрести, — чтобы обращать внимание на мое лицо. Едва пройдя через рамку металлодетектора, я сразу же хватаю из пластмассового поддона свои вещи, быстро снова надеваю темные очки и спешу к выходу на посадку.

Стюардесса в стильной синей шляпке смотрит на мой посадочный талон и качает головой.

У меня падает сердце.

— Пожалуйста, пропустите! Мне правда очень надо попасть на этот рейс.

Она замечает кроссовки у меня на ногах:

— Бежать можете? — Я в ответ улыбаюсь, и мы с ней вместе бежим по телескопическому трапу, который соединяет здание аэровокзала и самолет. Когда мы оказываемся в самолете, я снова надеваю на шею кулон и с облегчением ощущаю на коже его прохладное молчание.

Все уже сидят на своих креслах, ожидая взлета. Я иду по проходу, ища глазами свое место. Когда я была маленькой, посадка на самолет всегда была для меня самой захватывающей частью поездки. Теперь же мне становится тошно от одной мысли о том, что я заперта в металлическом ящике

вместе со множеством людей, которых я не знаю. Я смотрю на окружающих — белая шубка, кипящая негодованием, свитер крупной вязки, переполненный скорбью. Я не могу сказать, какие секреты хранят люди, если просто смотрю на них, но иногда мне бывает трудно сдержать полет моего богатого воображения.

Я дохожу до своего ряда, и у меня падает сердце. У прохода сидит огромный мужчина, а мое место находится у окна. Брайан — это имя написано на облегающей его тело полосатой футболке с белым воротником — вставил в уши наушники и закрыл глаза.

— Простите, но мне нужно занять свое место. Никакой реакции.

В нашу сторону движется стюардесса, поднимая складные столики и открывая шторы на окнах с решимостью на лице, достойной хорошо обученного наемного убийцы. Я повышаю голос, однако Брайан по-прежнему меня не слышит. Самым естественным способом привлечь внимание было бы коснуться его плеча, но мне совсем не хочется, чтобы со мной «заговорила» футболка. Может быть, стоит ткнуть его в кисть руки. В конечном итоге я резко опускаю складной столик, ударяя его им по коленям. Он, вздрогнув, просыпается, недовольно ворчит, затем встает, чтобы дать мне пройти.

Я благодарно улыбаюсь ему, затем кладу на багажную полку пальто и стараюсь сжаться так, чтобы занимать как можно меньше места. К счастью, моя одежда не говорит мне ничего. Наверное, точно так же, как человек не может учуять свой собственный запах.

Мой телефон издает короткий писк — текстовое сообщение от мамы, в котором она спрашивает, доехала ли я до папы. Я сразу же посылаю ответное текстовое сообщение, затем выключаю телефон. После развода мои родители почти не разговаривают друг с другом, так что, если я буду отвечать на мамины звонки и сообщения, у нее не будет причин звонить папе.

Самолет катится все быстрее, потом взлетает, земля с ревом уходит вниз, и меня вжимает в спинку сиденья. Внезапно локоть Брайана задевает мой собственный, и на меня обрушивается лавина фактов — так быстро и с такой силой, что я едва могу угнаться за этим потоком информации. В детстве мать часто запирала его в комнате одного. Иногда ночами ему все еще снится, что он находится один в запертой комнате и, плача, зовет маму. У меня перехватывает дыхание. Злость, страх, чувство отверженности — они накатывают волнами.

Меня передергивает, затем я тру голову, пытаюсь разобраться в запутанном клубке проникших в мой мозг впечатлений. Должно быть, его полозчатая футболка сделана из полиэстера. Синтетические волокна не дышат; они бросают в тебя факты и эмоции сразу, словно рыдающий годовалый ребенок, слишком безутешный, чтобы сделать передышку в своем плаче.

Самолет набирает высоту, и у меня в животе разверзается пустота. Я закрываю глаза и открываю их снова, лишь когда чувствую, что самолет выровнялся и летит горизонтально. Когда я смотрю в окно, там видна только бледная голубизна